

RU

Анормативность как результат травмы персональной идентификации

Ерохин В. С., Ерохина Н. В.

Аннотация. Цель исследования – обосновать, что наличие анормативности в природе персональной идентификации является результатом травмирующего опыта, столкновения с непривычным. В статье рассмотрены основные понятия исследования: личность, идентификация, травма, гендер, аномалия. Научная новизна работы заключается в признании связи травмирующего опыта интеракции и анормативности в природе персональной идентификации. В результате высказывается положение о детерминации травмирующим опытом наличия анормативного в структуре персональной идентификации. Предложенная идея формирует возможность выявления двойственной (нормативной и анормативной) природы различных форм персональной идентификации.

EN

Non-normativity as a result of personal identification trauma

V. S. Erokhin, N. V. Erokhina

Abstract. The study aims to substantiate that the presence of non-normativity in the nature of personal identification is a result of a traumatic experience, a clash with the unfamiliar. The paper examines the key concepts of the study: personality, identification, trauma, gender, and anomaly. The scientific novelty of the work lies in the recognition of the connection between a traumatic experience of interaction and non-normativity in the nature of personal identification. As a result, a thesis is put forward stating that the presence of non-normative elements in the structure of personal identification is determined by a traumatic experience. The proposed idea creates the possibility of identifying the dual (normative and non-normative) nature of various forms of personal identification.

Введение

Актуальность поставленной проблемы имеет двуединую природу. Одна часть состоит в высокой эффективности идеи нормативной детерминации практик персональной идентификации, дающей возможность описания свойств личности через изучение нормативного ее измерения. Другая часть состоит в том, что формирование и практическая реализация нормативных оснований персональной идентификации в системе интрасубъективных отношений предполагают столкновение с непривычным, тем, что выходит за пределы нормативно отрегулированного. Опыт такого столкновения приводит к признанию травмирующего опыта и возникновению в структуре бытия личности анормативного элемента.

Исходя из этого, можно говорить о задачах исследования:

- определить влияние феноменологически понимаемой «травмы» на формирование анормативного элемента природы персональной идентификации;
- выявить применимость полученных результатов к гендерным практикам персональной идентификации.

В качестве методов исследования авторы используют феноменологический метод, дающий возможность определить сущность «травмы» и ее влияния на формирование нормативного и анормативного элементов персональной идентификации, и метод логического анализа, позволяющий выявить содержание гендерных практик идентификации личности, а также их структурных элементов.

Теоретическая база работы представлена совокупностью научных исследований, посвященных вопросам нормативности и анормативного (Ерохин, 2020; Омельченко, Пашарина, 2013), персональной и социальной идентификации (Силласте, 2004), проблемам гендерной идентичности (Раджабов, Миримова, 2019; Селиверстова, 2019; Дгуева, Канаев, 2020; Maunard, 1995). Теоретической базой работы являются публикации Р. Бернета (2014), где рассматриваются вопросы, связанные с сущностью травмирующего опыта, а также О. Р. Раджабова и А. А. Миримовой (2019), анализирующих проблемы становления брака и семьи. Изучается научная литература, посвященная проблеме нормативного измерения персональной идентификации.

Практическая значимость работы состоит в применимости выявленной логики к различным практикам персональной идентификации.

Обсуждение и результаты

Исходным положением нашей работы можно считать тезис о детерминации нормативными основаниями бытия личности ее персональной идентичности, которая реализуется в совокупности практик, так или иначе отвечающих интересам и перспективам конкретной личности (Ерохин, 2023). Ранее в наших работах мы отмечали, что существует система заранее определенных норм, которые детерминируют систему общественного взаимодействия и тем самым определяют правила персональных и коллективных практик идентификации (Ерохин, 2020).

В рамках представленной логики полагается идея приемлемости как основания устойчивости персонального социального существования, в то время как неприемлемость чего-либо является основанием для отторжения, неприятия влияния, которое оказывается на человека. Наличие неприемлемых практик персонального и коллективного существования предполагает санкции, которые включают в себя систему наказаний за нарушения общественного порядка (или персональных способов существования) и своей главной целью имеют приведение социального устройства к устойчивым требованиям, нормам. Именно такое положение дел считается приемлемым, поскольку позволяет сохранить стабильность общественной системы как ее онтологическую характеристику, а также множество форм исторических способов развития, подконтрольных доминирующей системе связей и отношений (Dryaeva, Kanaev, 2020).

Вместе с тем следует признать наличие социальных практик, так или иначе нарушающих принятые личностью нормы персональной идентификации, что влечет за собой необходимость адекватной на них реакции. Вопрос об объяснении таких реакций решается в различных философских концепциях. Одной из таковых следует считать теорию травмированного субъекта Р. Бернета (2014), в рамках которой полагается, что формирование персонального Я (самости личности) является результатом вызова со стороны внешних угроз.

Центральным для мыслителя является положение о том, что субъекту угрожает гибель, поэтому его потребность быть самим собой связана с необходимостью закрытия внешней угрозы. При этом под гибелью ученый понимает «не физическую смерть индивида, но утрату субъективной идентичности вследствие не зависящего от самого субъекта и, следовательно, травмирующего события» (Бернет, 2014, с. 123). Так понимаемое отношение к идентифицирующей себя личности естественным образом предполагает наличие социальных интеракций и практик персонального существования, в форме которых реализуется процесс идентификации. Такие внешние формы влияния мыслятся в качестве угрожающих различным формам персональной идентификации через унификацию, подчинение принципу единообразия личностного бытия, стирание в нем неповторимых черт и нормативных оснований.

Современные социальные тенденции, такие как стандартизация, массовизация и некоторые другие, оказывают влияние на самооощущение человека, поэтому разумным представляется положение о двуедином основании бытия личности и ее способности формировать персональную идентичность. Одна часть реализуется в наличии внешних угроз и тенденций к социальному поглощению, универсализации персонального бытия. В качестве значимого феномена можно считать стандартизацию и рутинизацию поведения человека в условиях виртуализации и цифровизации коллективного существования (Селиверстова, 2019).

Другая же часть состоит в возможности личности отстаивать уникальность своего существования через использование способности к критическому мышлению – одного из эффективных способов минимизации внешних форм воздействия и способности персоны сохранять себя в условиях негативных внешних влияний, угроз.

По этому поводу Р. Бернет замечает, что я являюсь субъектом (для нас – личностью) настолько, насколько способен сопротивляться ясности чужого сознания. Мыслитель пишет, что «быть субъектом – значит быть субъектом потерь самотождественности, вслед за которыми следуют попытки возродить то, что отныне может быть лишь ранимой субъективностью или раненым cogito» (Бернет, 2014, с. 123). Отметим, что сама возможность формирования раны, то есть ущербы, аномии в структуре персонального бытия, признается ученым в качестве онтологического свойства личности: наличие травмы как негативного вызывающего опыта становится важным фактором живого и действующего субъекта коллективной интеракции. Так понимаемая травма суть форма раздражителя, направленная на необходимость действовать, создавать себя.

Смысл такого сильного утверждения, как нам представляется, может быть сведен к тому, что любой субъект суть тот, кто способен отстаивать себя перед лицом внешнего давления, которое по своей природе и оказывается травмирующим. Наличие внешнего вызова определяет необходимость ответа, а значит – способности отдельной личности реализовать себя как cogito и тем самым конструировать мир вокруг себя на основании собственного восприятия. Именно он оказывается мыслящим Ego, тем, кто в совокупности точек cogitations организует внешний мир и делает его своим лишь по той причине, что у нас имеется способность к достижению, формированию общего образа внешнего мира.

Это приводит нас к утверждению о том, что быть субъектом потерь самотождественности означает, что нам извне навязывают способы видения мира, точку зрения, через которую мы должны понимать этот мир. Однако такой внешний вызов определяет способность личности формировать ответ на него, то есть отстаивать себя, формируя, как итог, систему практик персональной идентичности. Получаемый травматичный опыт оказывает на персону влияние в виде необходимости формирования ответа на внешнее давление, что в результате создает в личности измененную систему нормативных оснований, детерминирующих образ ее целостного «Я».

В рамках представленной логики деятельность самой личности по формированию собственной самостождественности и защите системы персонально значимой нормативности становится своего рода активным синтезом, идею которого предложил Э. Гуссерль. Травма же как следствие внешнего вызова может быть понята как пассивный синтез – результат воздействия голоса Другого в философии Э. Левинаса.

Предложенный концепт «травма» можно трактовать как результат влияния субъекта, чье существование не укладывается в привычные способы. Описанное его понимание представляет собой результат влияния такого Другого, который выходит за пределы нормального, то есть привычного способа существования конкретной личности. Нанесение травматического опыта в определенном смысле является позитивным, поскольку указывает на несовершенство в определенных аспектах персонального существования, отсутствие совпадения персонально заданных целей социально и персонально приемлемым способом их достижения (Р. Мертон). Наличие травматического опыта в структуре персональной идентичности влечет за собой необходимость адаптироваться к внешним условиям коллективного бытия.

В концепции А. Тойнби так понимаемая травма мыслится как своего рода цивилизационный вызов, определяющий необходимость приобрести значимые защитные механизмы для дальнейшего эффективного функционирования. И если для британского мыслителя внешний вызов, требующий адекватного ответа, получает его через труд творческого меньшинства, то в рамках представленной выше логики размышлений личность, стремящаяся к достижению, сохранению и поддержанию нормативных оснований персональной идентичности, должна самостоятельно отыскать необходимые ресурсы для адаптации к меняющимся социальным условиям.

Травмированность в структуре персональной идентификации, таким образом, можно считать онтологическим свойством природы личностного существования, включающего в себя совокупность двух важных элементов – нормативного и анормативного измерения существования личности. Первое выражается в совокупности норм, принятых персоной в качестве оснований ее существования и реализации персональной идентификации. Второе основано на восприятии внешнего субъекта как анормального, не укладывающегося в уже имеющиеся нормы существования воспринимаемого субъекта интеракции.

Травмированность, таким образом, можно считать основанием для принятия Другого как элемента индивидуального бытия персоны и, как следствие, возникновения в структуре ее персональной идентификации анормативного измерения, содержанием которого можно трактовать как совокупность внешних вызовов, определяющих необходимость личности адаптироваться к внешнему непривычному, тому, что вызывает травму и неприязнь.

Обозначенный концепт в явной форме был определен в концепциях Э. Дюркгейма и Р. Мертона. Для первого мыслителя социальная аномия суть форма выражения дезорганизованности общественных институтов, а поведение человека определяется нормативными основаниями социального окружения (Кузьменков, 2020). Колебания (то есть отход от принятых норм) становятся основанием для принятия аномалией практик как элементов социальной реальности, которые затрудняют функционирование системы.

Для Р. Мертона аномия суть результат противоречия культурно заданных целей и социальных способов их достижений. Она становится формой рассогласованности между двумя данными элементами социального бытия и мыслится как институционализированное отклонение от правил. Признается, что ряд отклонений от дозволенного не вызывает санкций, что способно приводить к созданию новых норм, обладающих более совершенным регулятивным потенциалом (Омельченко, Пашарина, 2013).

Левинасовский концепт зова Другого (влияния альтернативного субъекта на трансформацию персональной идентичности) формирует травмирующий опыт, основанный на том, что Другой как социальный или культурный субъект «вторгается» в привычное поле субъекта (личности) и создает определенный негативный (травмирующий) опыт. При этом Другой может быть понят субъектом только через личный контакт с ним. Более того, он получает отклик только «задним числом»: прошлое Другого входит в мое прошлое и именно я как субъект повинен в том, что опоздал. Кроме того, такое прошлое находится вне опыта и памяти, формируя, таким образом, общее начало в интересующих формах отношений (Аббасова, 2007). Травма формируется только тогда, когда возникает невозможность построить отношения (попытка их построить на основании взаимности терпит неудачу). Как итог, возникает ситуация, когда самость субъекта состоит в самопожертвовании, в отказе от себя, замыкаясь, таким образом, на самом себе.

Таким образом, в рамках идей Э. Левинаса субъект уже заранее предрасположен к травме, поскольку в его структуре существует разлом, в который вступает Другой как иное, что действительно травмирует его как цельный субъект. Такие разломы, или прерывания, и в пространственном, и во временном измерении делают травму не только возможной, но и реальной. Как итог, в рамках идей французского феноменолога опыт Другого суть опыт субъекта, предрасположенного к травме, во всем своем существе.

Для нас представленное понимание анормативного в системе общественных интеракций означает, что действие Другого субъекта, не укладывающееся в привычные способы реализации практик персональной идентичности, делает внешнего субъекта причиной аномалий в структуре практик достижения самостождественности конкретной личности, а значит, травматичный опыт суть результат множества социальных аномалий (Пилыгина, 2014). Персона, ощущая на себе воздействие Другого, усваивает через институционализированные анормативные практики внешне неприемлемое, тем самым возникает возможность включения последнего в структуру персонального существования и идентификации.

Говоря уже, это свойство социального существования, определяющее общественную интеракцию между множеством персональных идентификаций нормативности (Ерохин, 2019). Столкновение нормативных оснований персонального бытия отдельных личностей как идентификаций нормативности приводит к внедрению в бытие каждого из них анормативности как результата травмы.

Вместе с этим, как нам представляется, так понимаемая аномативность основана на принципе эволюционности становления практик персональной идентификации и реализуется в нем, что позволяет трансформировать персональную идентичность, субъектность, способную приспособиться к любым условиям внешнего бытия. Как следствие, травмирующий опыт трактуется нами как ретранслирующее средство эволюционного развития нормативности персональной идентичности.

Вопрос о реализации идеи травмирующего опыта в становлении персональной идентичности как результата и идентификации как процесса ее достижения имеет смысл рассмотреть на примере формирования и изменения гендерной самоидентичности личности.

В научной литературе сложилась точка зрения, согласно которой гендерная идентификация позволяет сформировать иерархию общественных отношений, основанную на выполняемых персоной функциях. Так, логика, характерная для традиционного общества, включает в себя положение о женском гендере, выполняющем функцию выживания, и мужском гендере, главная ценность которого состоит в самовыражении. При этом некоторые ученые полагают, что зависимость феминного гендера и свобода маскулинного суть исторически случайны (Бедаш, 2010), поэтому выстроенная традиционная система оценок, норм и правил социального существования, а также общественная иерархия оказывается результатом легитимации тех, кто выиграл борьбу за выживание и власть и, как следствие, – за утверждение собственных ценностей.

Стремление достигнуть гендерной идентичности содержит в себе способность личности отстаивать границы персонального бытия и достигнуть социальной безопасности как «состояние защищенности личности, социальной группы, общности от угроз нарушения их жизненно важных интересов, социальных прав и свобод» (Силласте, 2004, с. 83). Нереализованность данного аспекта социального существования вынуждает персону формировать в себе необходимые гендерные свойства. Такой подход позволяет персоне достигнуть гарантий социальной безопасности и социальной самореализации.

Идея нормативного закрепления функции человека определяет соответствующие статусы и роли человека и личности, что приводит к эффективности сохранения и поддержания конкретных их форм для потенциального развития социальной интеракции (Раджабов, Миримова, 2019). Как итог, члены такого союза обретают соответствующие статусы и роли, определяемые доминирующим нормативным принципом.

Развитие современных форм технического обустройства приводит к необходимости разделения биологической и социально-функциональной характеристик человека, а также выделения половой и гендерной форм персональной идентичности (Maupard, 1995). Принципиальным в рамках изучаемого нами вопроса является факт трансформации экономических, социальных и психологических характеристик общественной ткани, что влечет за собой преобразование гендеров и соответствующих практик персональной идентификации.

На этом основании следует полагать, что представленные изменения в понимании гендерной самоидентичности можно считать своего рода травмой (трансформацией, а в некоторых случаях – разрушением) устоявшегося (Offen, 1987), нормативного порядка, то есть внедрением в гендерную идентичность персоны свойства аномативности в форме выхода за пределы заранее заданных нормативных оснований. Подобное положение в ряде случаев может быть основанием формирования такого социального порядка, который отражал бы интересы и возможности каждой конкретной личности.

На практическом уровне необходимость обеспечения конкурентоспособности работающих супругов, повышения материального благополучия семьи, обеспечения детям условий для качественного образования и так далее определяет становление новых форм гендерных статусов и ролей. Каждый из супругов может считаться личностью, формирующей травмирующий опыт для другого, что приводит к возможности трансформации гендерных статусов и ролей. Соответствующая форма персональной самоидентичности становится динамической, основанной на эффективной реализации интенций личности в области гендерных отношений.

Заключение

Как итог, имеет смысл говорить о том, что аномативное в природе персональной идентификации следует трактовать как следствие травматичного опыта, выражения факта столкновения с непривычным, не укладывающимся в сложившиеся нормативные основания персонального бытия. Такой травмирующий опыт может быть определен, к примеру, в системе гендерных практик персональной идентификации, что приводит к появлению в последних совокупности аномативных элементов, дающих возможность личности выбрать наиболее эффективную модель общественно и семейно значимого существования.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать выявление сущности и приемов реализации государственной политики идентичности.

Источники | References

1. Аббасова Н. Т. Опыт инаковости Другого в философии Э. Левинаса // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5-1 (55).
2. Бедаш Ю. Второй пол как опыт переоценки ценностей // Топос. 2010. № 3.
3. Бернет Р. Травмированный субъект // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост.: С. Шолохова, А. Ямпольская. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2014.

4. Ерохин В. С. Идентификация нормативности и нормативность идентификации // Мир человека: нормативное измерение – 6. Нормы мышления, восприятия, поведения: сходство, различие, взаимосвязь: сборник трудов международной научной конференции (г. Саратов, 27-29 июня 2019 г.). Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2019.
5. Ерохин В. С. Нормативная природа персональной идентификации // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23. № 2.
6. Ерохин В. С. Социальная нормативность и персональная идентификация: соотношение понятий и практическая реализация // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 5. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.5.23>
7. Кузьменков В. А. Аномия: основные подходы // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45. № 1. <https://doi.org/10.18413/2712-746X-2020-45-1-31-41>
8. Омельченко Н. В., Пашарина Е. С. Принцип сомнения в этосе науки Роберта Мертона // Logos et praxis. 2013. № 2 (20).
9. Пилягина В. А. Социальная аномалия и политическое поведение // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2014. № 1 (123).
10. Раджабов О. Р., Миримова А. А. История эволюции форм брака и семьи // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 6.
11. Селиверстова Н. А. Практики цифрового чтения российской молодежи в ценностном измерении // Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина: сборник материалов XIII международной научной конференции «Сорокинские чтения – 2019» (г. Москва, 18-19 февраля 2019 г.). М.: МАКС, 2019.
12. Силласте Г. Г. Гендерная социология: состояние, противоречия, перспективы // Социологические исследования. 2004. № 9.
13. Dryaeva E. D., Kanaev I. A. Individual and Social Determinants for the Formation of Identity: A Comparative Analysis of Research Strategies // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. № 4. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.402>
14. Maynard M. Beyond the “Big Three”: The Development of Feminist Theory into the 1990s // Women’s History Review. 1995. No. 4 (3).
15. Offen K. Sur l’origine des mots ‘féminisme’ et ‘féministe’ // Revue d’Histoire Moderne et Contemporaine. 1987. No. 34 (3).

Информация об авторах | Author information

Ерохин Владимир Сергеевич¹, к. филос. н., доц.

Ерохина Наталья Викторовна²

^{1,2} Саратовская государственная юридическая академия

Vladimir Sergeevich Erokhin¹, PhD

Natalya Viktorovna Erokhina²

^{1,2} Saratov State Law Academy

¹ v.s.erohin@mail.ru, ² n.v.erohina@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.09.2024; опубликовано online (published online): 08.10.2024.

Ключевые слова (keywords): травматичность личностной самоидентичности; гендерная идентификация; аномативность персональной идентичности; аномия; personal self-identity trauma; gender identification; non-normativity of personal identity; anomie.